

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Барнаульский государственный педагогический университет»
Лаборатория исторического краеведения

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

*Археология,
этнография,
устная история*

Выпуск 2

Материалы
II региональной научно-практической конференции
1–2 декабря 2005 г.

Барнаул, 2006

А. С. Щербаков

Раскулачивание в Шелаболихинском районе (по материалам ИЭЭ 2005 г.)

Одним из направлений ИЭЭ является изучение коллективизации и составной ее части – раскулачивания [1]. В ходе экспедиционных исследований в Шелаболихинском районе по этой проблеме было собрано 47 интервью. Комплексный анализ устных источников позволяет представить механизм раскулачивания в зависимости от природно-климатических, хозяйственных и социальных условий развития приобских сел. По результатам предыдущих полевых сезонов опубликован ряд материалов [2].

Благоприятные природно-географические условия Шелаболихинского района: обилие водных источников, преобладание дерновых почв, доходство по Оби, близость городских центров как рынков сбыта – способствовали бурному развитию приобских сел в годы нэпа. Плодородные почвы, обилие пастбищ и лугов способствовали развитию земледелия и скотоводства. В 1920-е гг. широкое распространение получили займочные и хуторские крестьянские хозяйства, что свидетельствует о хозяйственной состоятельности крестьянства в селах района. По воспоминаниям А. Г. Кудрявцевой, в с. Шелаболиха было крупное скотоводческо-земледельческое хозяйство Ричкунова. У хозяина было 44 лошади, 40 овец, 6 свиней, 24 коровы, большой загон, амбары, грабли, сенокосилки [3]. «Крепкими» единоличниками были Ифлаков и Малышев. В хозяйстве последнего были овцы, лошади, коровы, орудия производства: сенокосилки, конные грабли.

Помимо единоличных хозяйств, существовали и коллективные. В отличие от 1930-х гг., в годы нэпа они создавались по инициативе самих крестьян. Приоритетной формой коллективного ведения хозяйства являлись артели, в которые объединялись промысловики. На территории Шелаболихинского района существовала рыболовецкая артель. Инициатором ее создания и бригадиром был Г. Ворсин. Артель объединяла 12 семей. По воспоминаниям М. К. Гайер, артельщики добывали огромное количество рыбы, которую продавали либо обменивали на сельхозпродукцию. В коллективной собственности артельщиков находились: 3–4 лошади, неводы, сети и прочее [4].

Производственная самостоятельность крестьянства в связи с новой системы налогообложения и хлебозаготовительных кризисов начала ограничиваться в конце 1920-х гг. Уже к 1928 г. на территории современного Шелаболихинского района стали ликвидироваться хуторские, займочные и выселковые хозяйства.

С 1929 г. государственная политика в отношении крестьян-единоличников преследовала несколько целей:

1) экономическую, которая заключалась в создании за счет средств и имущества, конфискованных у кулаков благоприятных стартовых условий для развития материально-технической базы колхозов;

2) социальную, состоявшую в уничтожении крестьянина-собственника как альтернативной формы хозяйствования, а также вовлечении в «ликвидационную кампанию» как можно большего числа крестьян и превращение их в соучастников экспроприации;

3) психологическую («политика устрашения»): раскулачивание было ориентировано на раскол деревни на своих, «бедняков», и чужих, «врагов», — «кулаков». Одна из проблем при раскулачивании заключалась в выборе имущественных и социальных критериев для определения «кулака» [5, с. 22].

Исходя из постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», имущественные критерии выделения «кулаков» определены не были. В основе причисления к «кулакам» лежал принцип «контрреволюции», что позволяло относить людей к категории «кулаков», используя любой из имущественных критериев. Устные источники позволяют констатировать, что к кулакам относили тех, кто имел сенокосилку или крупорушку. Не было строго установленных критериев и в определении количества скота [5, с. 72–73].

Согласно постановлению от 30 января 1930 г. устанавливалась определенная процедура раскулачивания [6, с. 412–413]. Первоначально бедняцкие собрания должны были определить крестьянские хозяйства для предстоящего раскулачивания. Списки утверждались в сельских советах. Затем представители от бедняцких собраний, сельсоветов, председатели колхозов, районные уполномоченные проводили конфискацию имущества и выгоняли кулацкие семьи. Однако ускоренные темпы коллективизации, строго установленные цифры подходящих под раскулачивание лиц в каждом районе создали полнейший произвол на местах.

На основе анализа собранных устных исторических источников в процедуре раскулачивания можно выделить несколько этапов.

Первый этап — подготовительный, характеризующийся объявлением крестьянских хозяйств «кулацкими». Как показывают устные источники, состоятельные крестьяне знали заранее, что в тот или иной день к ним придут и отнимут все имущество. Один из информаторов вспоминал: «Пришел вечером мамин брат и говорит: «Кузя, сегодня ночью у тебя все отнимут и увезут, приготовься» [7]. Другой информатор вспоминал: «Моего отца предупреждали заранее, что его будут кулачить. У него

знакомые были в сельсовете» [4]. После этого представители местной власти, бедняцких собраний, должны были произвести опись имущества с зачислением его в колхозный фонд.

Непосредственная конфискация имущества, инвентаря, хозяйственных построек составляет содержание второго этапа раскулачивания. Очевидцы вспоминают, что раскулачивание представляло форму скорее открытого грабежа под лозунгом «отобрать и поделить», нежели организованную спланированную акцию. Как отмечают сами информаторы, имущество растаскивали бедняки. «Через дорогу от нас жила нищета, даже ограды не было, Шестаковы. Они растаскивали и раскулачивали» [8].

Для третьего этапа характерно выселение за пределы района, либо высылка. Нарымский край — являлся одним из основных мест высылки раскулаченных. Об этом свидетельствуют устные источники. «Ночью приехали, пара милиционеров и председатель сельского совета Павлушин, и говорит: „Выходи, Ворсин“. Посадили и увезли. Потом семью нашу выгнали из дома и поселили жить первоначально в баню, а затем мы жили в землянке неподалеку от деревни» [4]. «Всех кулаков в нашей деревни садили на баржи и увозили в Нарым на лесозаготовки» [9].

Как видим, на последнем этапе происходило и разлучение семей. К примеру, главу семьи Ричкунова объявили кулаком, всю семью выгнали из дома, а его сослали в Нарымский край.

Крестьяне по-разному пытались предотвратить конфискацию, стараясь сохранить хотя бы предметы домашнего обихода. Нам удалось зафиксировать случаи раздачи имущества соседям и родственникам, сокрытия одежды и предметов быта. Один из информаторов вспоминал: «Наутро пришли братья и говорят: „Давайте хоть что-то спрячем“. Выгребли мы несколько мешков пшеницы. В крапиве за огородом вырыли яму и там закопали пшеницу, полушубок и валенки» [10]. Устойчивая повторяемость в устных источниках сюжетов о сокрытии имущества позволяет определить в качестве одной из особенностей раскулачивания в приобских селах пассивное сопротивление крестьянства.

Раскулачивание в оценках информаторов предстает как крестьянская трагедия: «Многих кулачили, жестокости в деревне и трагичности хватало», — утверждает А. Г. Кудрявцева. «У меня тетку с трехмесячным ребенком в Нарым сослали. У кулаков забирали все. У соседа кулака Щербакова даже валенки с ног сняли, и он в носках ушел в соседнюю деревню, вырыл землянку и жил там» [3].

Составной частью исследуемой проблемы является вопрос об отношении к кулацким семьям и участникам коллективизации. У людей, которые являлись родственниками тех, кто участвовал в раскулачивании,

отношение было негативное. Об этом говорит М. К. Гайер: «Павлушин и Репин кулачили, а их жены пели песни про интернационал под окошками кулаков» [4].

Большинство населения относилось к раскулаченным с жалостью, но открыто заступиться за них не могло, так как все боялись тоже стать жертвами раскулачивания.

Судьбы семей кулаков после конфискации имущества складывались по-разному, несмотря на общую процедуру высылки. В условиях стихийности раскулачивания некоторым удавалось избежать высылки с помощью побега. О побеге рассказывала А. Г. Кудрявцева: «Папу сослали в Нарым, и нас бы сослали, но маму успели предупредить, и мы успели бежать на коне. Помню, ехали по Оби на лошади и санях, до маминого брата, нас (детей) в кадушку посадили вместе с вещами. Было холодно, но мы молчали, чтобы нас никто не слышал» [3].

Процедура раскулачивания с конфискацией имущества и транспортировкой приговоренных к высылке завершалась только на локальном уровне — районом. В дальнейшем приговоренные к высылке переходили в ведение краевых властей.

Шелаболиха являлась начальным пунктом отправки раскулаченных: сюда их сгоняли и на баржах (весной) или на телегах (зимой) отправляли в Нарымский край. Нередки были случаи умышленного затопления барж вместе с раскулаченными. Вспоминая о жизни в Нарыме, информаторы отмечают высокую смертность людей, голод, изнурительный труд и многое другое.

Интересно, что мы не зафиксировали воспоминаний о возвращении в 1931 г. «необоснованно раскулаченных». Немногочисленные устные источники свидетельствуют о возвращении раскулаченных в более поздний период. М. Г. Гайер рассказала: «Кузьме Ворсину удалось через 6 лет вернуться, и интересен тот факт, что он продолжил заниматься рыболовством, так как оставались знакомые в Рыбтресте, с него сняли все обвинения. И он восстановил свою рыболовецкую артель» [4]. Но в большинстве же случаев судьба раскулаченных после ссылки неизвестна.

Таким образом, комплекс устноисторических источников в Шелаболихинском районе позволяет сделать предварительные выводы об особенностях раскулачивания в приобских селах. Во-первых, хозяйственная состоятельность крестьянства обусловила широкую практику различных форм протеста; во-вторых, раскулачивание характеризовалось огульным произволом со стороны местных властей; в-третьих, чрезвычайно затруднительной для местных властей была транспортировка по Оби высылаемых кулаков, что приводило к ужесточению условий их вы-

сылки, при которой крайней мерой являлось физическое уничтожение крестьянства.

Литература и источники

1. Демин М. А., Щеглова Т. К. Депортации народов и репрессии на Алтае — программа лаборатории исторического краеведения Барнульского государственного педагогического университета // Музеология как основа единства и культурного разнообразия: Тез. докл. XXV международ. симпоз. Совета музеев (ICOM) ЮНЕСКО / Под ред. А. С. Кондыкова (глав. ред.) и др. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2003. С. 82–84; Демин М. А., Щеглова Т. К. Депортации народов и репрессии на Алтае // Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. Томск, 1992. С. 119–120.
2. Казаков А. Влияние репрессий 30-х гг. XX в. на алтайскую деревню (по полевым материалам Кытмановского, Мамонтовского и Зонального районов Алтайского края) // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю. М. Гончарова, В. И. Владимирова. Барнаул, 2005. С. 175–176; Казаков А. Влияние политики коллективизации на селообразование в Алтайском крае // Материалы XLII международ. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Ч. 2. Новосибирск, 2004. С. 52–54.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Кудрявцева Анна Григорьевна, 1928 г. р., с. Шелаболиха.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Гайер Мария Кузьмовна, 1921 г. р., с. Шелаболиха.
5. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
6. Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.): Учеб. пособие / Ред. А. Т. Киселев, Э. М. Щагин. М., 1996.
7. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Малышев Федор Ефремович, 1924 г. р., с. Кучук.
8. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Латкина Евдокия Ильинична, 1915 г. р., с. Шелаболиха.
9. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Степанов Александр Федорович, 1925 г. р., с. Шелаболиха.
10. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. (Шелаболихинский район). Пономарева Анна Павловна, 1927 г. р., с. Шелаболиха.

А. В. Юсупова

Татары Алтайского края в прошлом и настоящем: по материалам устно-исторических исследований в г. Барнауле¹

В течение 2005 г. сотрудники ЛИК БГПУ, преподаватели кафедры отечественной истории, студенты исторического факультета вели исследо-

¹ В рамках научно-исследовательской программы «Народы Алтая: история и культура» (руководитель — д-р ист. наук Т. К. Щеглова).